

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328. 36

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления анализа накопившихся проблем российской деревни в отечественном общественном знании в контексте актуализации политики обеспечения продовольственной безопасности современной России. Особое внимание уделено анализу имеющейся литературы по различным аспектам политизации вопросов продовольственной безопасности в условиях кризиса международных отношений, изучению проблематики социально-политических настроений и ориентаций российского крестьянства, политических механизмов активизации его социальных ресурсов и участия в модернизации аграрного сектора современной России.

Ключевые слова: аграрная политика РФ, социальные проблемы российской деревни, политика обеспечения продовольственной безопасности, политические интересы российского крестьянства.

Political Aspects of Food Safety Supply in Russia within a Framework of Modern Social Sciences

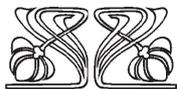
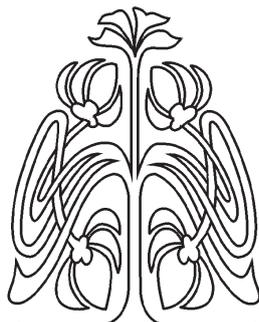
A. A. Vilkov

The article examines the main branches of analysis of accumulated problems of the Russian countryside in the national social sciences within the context of policy of food safety supply in contemporary Russia. Special attention is accorded to analysis of the literature on various aspects of politicization of food safety issues within international relations' crisis, the way social and economic moods and orientations of Russian peasantry are explored, political mechanisms of activation of its social resources and participation in modernization of agricultural sector of the modern Russian economy.

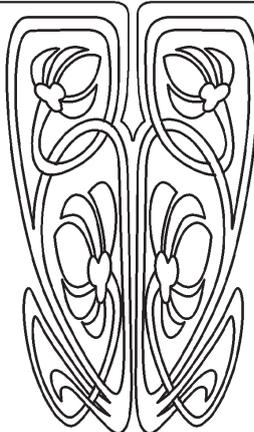
Key words: agricultural policy of Russia, social problems of the Russian countryside, policy of food safety supply, political interests of the Russian peasantry.

Проблема продовольственной безопасности имеет как междисциплинарную, так и специфически политологическую актуальность. Первая определяется негативными тенденциями, проявившимися в последние десятилетия в российской деревне, не только в экономической, но и в социальной, культурной, духовной сферах. Каждая из данных сфер нуждается во всестороннем объективном исследовании в рамках соответствующих наук. В то же время имеет смысл изначально ориентироваться на междисциплинарный подход с учетом, что все эти сферы есть различные грани одного и того же предмета исследования и связаны с особенностями сельского образа жизни и спецификой сельскохозяйственного производства в современной России.

Политологическая актуальность, с одной стороны, определяется общемировой тенденцией политизации вопросов продовольственной безопасности в жизни развитых государств современного мира и, соответственно, выдвиганием тематики продовольственной безопасности в ряд первостепенных проблем международной и внутренней политики. С другой стороны, обострение международного кризиса в связи событиями на Украине выпукло обозначило застарелую, но

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

не утратившую своего стратегического значения типично российскую проблему – кризисное состояние аграрного сектора в целом в постсоветский период. Без понимания данной проблемы невозможно объяснить, почему колоссальный природный потенциал для сельскохозяйственного производства в России не приносит должной отдачи, соответствующей современным технологическим возможностям.

Масштаб и острота кризисных явлений в российской деревне в последние годы признаются на официальном уровне. Одним из свидетельств тому стало принятие в 2002 г. и реализация федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года»¹, приоритетных национальных проектов «Развитие агропромышленного комплекса»², «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы»³, которые создали определенные предпосылки для укрепления производственного и инфраструктурного потенциала сельских территорий, способствовали повышению занятости и доходов сельского населения, решению вопросов улучшения их жилищных условий и социальной среды обитания.

Тем не менее, в 2013 г. была принята еще одна федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», в которой констатировалось, что «интегральный эффект от негативного социально-экономического развития сельских территорий выражается в сокращении в 2010 году количества сельских населенных пунктов по сравнению с 1989 годом на 9,2 тысячи сел и деревень. Количество сельских населенных пунктов без проживающего населения увеличилось с 9,4 тысячи в 1989 году до 19,4 тысячи в 2010 году. Населенные пункты с населением до 10 человек в 2010 году составили 23,7 процента»⁴. В качестве одной из причин такой неблагоприятной ситуации в комплексном развитии села был отмечен крайне низкий уровень комфортности проживания в сельской местности. За этими сухими показателями скрывается драма миллионов сельских жителей, которые в мирное время в силу различных обстоятельств вынуждены были оставить свою малую родину и искать новое место жительства и работу в разных городах и крупных населенных пунктах постсоветской России.

Кризисные явления в аграрном секторе привели к тому, что еще в феврале 2010 г. была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации⁵, в которой определены критичные для России продукты и минимальный уровень их собственного производства. Для ее реализации государство увеличило субсидии на развитие сельского хозяйства, однако обострение международных отношений

в 2014 г. и начавшаяся «война санкций» показали, что современное состояние российской деревни наиболее адекватно можно определить как сложное и противоречивое. С одной стороны – очередные победные реляции о намоте хлеба, достаточного не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для экспорта. Показатели последних лет свидетельствуют, что выполнены условия доктрины (или близки к запланированным) по картофелю, сахару, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам. С другой стороны – остается существенная зависимость России по мясу, молоку, фруктам и целому ряду других продуктов, ставших для россиян привычными в повседневном рационе.

Стратегическое значение проблемы обусловлено тем, что в России сосредоточено 8,9% пашни, 2,6% пастбищ от мировых сельскохозяйственных угодий, однако доля страны в мировом сельскохозяйственном производстве существенно ниже: в производстве молока и корнеплодов – около 5%; зерновых, зернобобовых, яиц – около 3%; мяса – около 2%. Производительность труда в сельском хозяйстве России, согласно расчетам Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства, относительно ее уровня, например, в этой же отрасли США в целом в 8,5 раза ниже. Это говорит о том, что имеющийся сельскохозяйственный потенциал используется недостаточно эффективно и нуждается в интенсификации, невозможной без подключения политических механизмов активизации социального ресурса села.

Научная значимость анализа политической субъектности сельских социумов состоит в том, что позволяет сделать акцент не только на институциональных механизмах стимулирования развития сельского хозяйства, но и на субъективной составляющей этого процесса, на анализе качества социального капитала проводимых преобразований. От настроения и психологической готовности жителей в конкретных селах сотрудничать с властью в решении задач продовольственной безопасности и развития деревни в целом в определяющей степени зависит эффективность государственных программ развития АПК. Кроме того, важно учитывать, что именно деревня является главным хранителем и транслятором традиционных российских культурных ценностей, что также является одним из факторов актуализации обозначенной проблемы.

Изучением проблем продовольственной безопасности и развития российского сельского хозяйства в целом занимаются многие исследовательские центры. Например, на данной проблематике специализируются: Аграрный центр МГУ (Евразийский Центр по продовольственной безопасности); Научно-образовательный центр «Национальный центр продовольственной безопасности» (НОЦ НЦПБ); Московский государственный университет пищевых производств; Институт аграрных проблем РАН (Саратов);

ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» Россельхозакадемии. Кроме того, проблемы российской деревни изучают многие представители вузовской науки.

Имеющаяся новейшая литература по проблемам российской деревни достаточно обширна. Значительное место в исследованиях отводится экономическим аспектам реформирования сельского хозяйства в постсоветской России и особенностям методов государственного регулирования и взаимодействия форм хозяйствования в АПК в современных условиях⁶.

По утверждению академика Л. Абалкина, российская аграрная проблема не просто относится к разряду «вечных», но справедливо оценивалась им по глубине и сложности как трагедия, покончить с которой возможно лишь на основе продуманной долгосрочной стратегии государства и общества. По его мнению, «в политических и общественных дискуссиях, в научном сообществе и в средствах массовой информации упор делается на решении текущих вопросов. Такой подход лишает нас исторической памяти и не позволяет выйти из тупиков, в которые заводят многие политические и хозяйственные решения. Внимательный и объективный анализ истории с октября 1917 г. показывает, что аграрная трагедия в России продолжалась при всех режимах. Это было при В. Ленине и И. Сталине, при Н. Хрущеве и Л. Брежнев, при М. Горбачеве и Б. Ельцине, да и сейчас при В. Путине и Д. Медведеве»⁷.

Как представляется, эта вечная трагедия была обусловлена тем, что деревня во все времена рассматривалась российскими правителями как бездонный неиссякаемый источник социальных и материальных ресурсов для обеспечения разнообразных потребностей государства, армии и управленческого аппарата. Не случайно, что в массовом сознании достаточно прочно закрепилась циничная фраза «берегите пушки, а солдат бабы еще нарожают», которая приписывается то Петру I, то российским военачальникам различных эпох и которая вошла в отечественные литературу и кино.

Достоверно то, что И. Сталин в ходе подготовки массовой коллективизации открыто заявлял о неизбежности взятия «дани» с российского крестьянства. Обозначая в 1928 г. необходимые источники накопления для проведения социалистических преобразований, он подчеркивал, что крестьянство платит государству не только прямые и косвенные налоги, но «еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности... и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, ко-

торый мы вынуждены брать временно...»⁸. Последующая история показала, что эта «временная дань» в открытом виде взималась с колхозов более двух десятилетий, а все последующие десятилетия – в завуалированном виде в результате планового неэквивалентного обмена между городом и деревней. Полностью дисбаланс не был устранен даже в 1970–1980-е гг., когда колхозы и совхозы стали получать достаточно большое количество сельскохозяйственной техники и средств на развитие производственной и социальной инфраструктуры села.

Не устранил неэквивалентный обмен и переход к рыночной экономике. По мнению академика РАСХН И. Н. Буздалова, продолжается масштабная «перекачка» (экономически обоснованное и социально несправедливое изъятие) ресурсов деревни «в пользу государства, партнеров по АПК, посредников и прочих субъектов монопольного окружения отрасли... в результате возрастает угроза не только продовольственной, но и общей национальной безопасности страны»⁹. С учетом того, что пополнение современной российской армии в значительной степени осуществляется за счет призывников из деревни, данная оценка, на наш взгляд, имеет не только метафорический, но и прямой смысл.

Постоянное внимание проблематике современной российской деревни уделяют представители социологии¹⁰. Акцент в данных работах сделан на социальных последствиях радикального реформирования аграрной сферы в постсоветский период, на проблематике социальных настроений российского крестьянства, на особенностях его образа жизни в рыночных условиях, на изменениях в структуре сельского населения.

Некоторые авторы исследуют взаимосвязь экономического положения современного российского крестьянства, его производственных ресурсов и возможностей, размеров имеющихся наделов с его социально-психологическими настроениями и потребительскими практиками¹¹. Данное направление, основанное на материалах масштабного мониторинга современного российского села, представляется очень важным, но недостаточным для выявления социально-политических настроений крестьянства, мотивации его участия в экономической деятельности и в общественно-политической жизни, для определения его социального потенциала в решении проблем обеспечения продовольственной безопасности страны.

Признанными в научном мире считаются работы саратовских исследователей¹², продолжающих традиции социологического изучения проблем села, заложенные известным аграрником В. Б. Островским. По их расчетам, «шестикратное уменьшение по сравнению с 1990 г. сельских тружеников обусловлено тем, что сложившаяся структура сельскохозяйственного производства сделала излишними более 7 млн человек. Это

трудоспособные люди, которые при разумной организации дела могли бы изменить ситуацию на рынке отечественного продовольствия. Но они потеряли связь с сельским хозяйством современного типа, которое основано на науке, высокомеханизировано и экономично»¹³.

Как видится, это не просто итог естественного вытеснения избыточных ресурсов из аграрного сектора в результате его рационализации, технологизации и соответствующего повышения производительности труда, но последствия целенаправленной государственной политики начала 1990-х гг., решающей одну из важнейших задач по разрушению колхозно-совхозного «агрогулага». Расчет был на то, что «невидимая рука рынка» сбалансирует ситуацию обмена между городом и деревней и на месте неэффективных и громоздких коллективных хозяйств возникнут миллионы ориентированных на рынок товарных хозяйств. Однако прошедшие два с лишним десятилетия показали, что сами по себе рыночные реформы не приводят к быстрому появлению эффективно работающих фермерских хозяйств. Оказалось, что для этого нужны большие капиталовложения и соответствующая инфраструктура с соответствующими технологиями, шлейфом необходимой современной техники, современной логистикой, перерабатывающей промышленностью и т. д.

По сравнению с другими странами, уровень государственной поддержки российского сельского хозяйства до сих пор значительно уступает. Например, в США субсидии достигают 30% стоимости произведенной сельским хозяйством товарной продукции, в странах ЕС — 45–50%, в Японии и Финляндии — 70%, в России — лишь 3,5%¹⁴. Не случайно, что даже через 15 лет после начала рыночных реформ доля крестьянских фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве составляла лишь 6,5%, тогда как доли сельскохозяйственных предприятий и ЛПХ — соответственно 41,2 и 52,3%¹⁵.

По мнению исследователей, постсоветское фермерство демонстрирует четыре типа домохозяйств: 1) крупные фермы-колхозы во главе с представителями бывшей колхозной верхушки, работающие на рынок; 2) средние фермерские хозяйства с высокотоварным производством; 3) семейные фермы с плохо оснащенной сельскохозяйственной техникой; 4) мнимые фермеры с невысокой товарностью¹⁶. Последние, на наш взгляд, особенно характерны для тех собственников земли, которые пользовались своей близостью к властным структурам различного уровня и имели возможность получить льготный долгосрочный кредит на развитие своих аграрных хозяйств. Реально эти деньги вкладывались в другие, не столь трудозатратные и не столь рискованные, но зато быстро окупаемые сектора российской экономики (например в оптовую торговлю). Земля таких собственников оказыва-

лась без должной обработки и необходимых вложений и в результате приходила в упадок.

В отдельное направление можно выделить группу работ, в которых акцент делается на взаимозависимости социокультурных особенностей российского крестьянства, специфики сельскохозяйственного производства с институциональным развитием российского государства и общества в целом, на роли крестьянства в российских реформах и революциях¹⁷.

Своего рода «оптимистичный» вариант данного направления представлен виталистской социологией села на основе ноосферной модели. По мнению его представителя С. И. Григорьева, «развитие села у нас в стране, как, впрочем, и на большей части земного шара, становится сегодня характерным показателем возникновения новой цивилизации управляемой социоприродной эволюции, где разум человека, постигая законы природы и социума, формирует оптимальную среду обитания и образ жизни людей, их жизненное пространство. Возникает новое сочетание и виды урбанизированных и сельских поселений, различных экополисов, видов деятельности человека как биопсихосоциального существа, культура жизни которого интегрирует природное и социальное по законам ее сохранения и оптимального гуманистического и природосообразного развития»¹⁸. С одной стороны, автор признает, что в результате «вульгарной радикально-либерально-рыночной реформации» уклада жизни не только сельского населения, но и российского общества в целом оно «оказалось отброшенным в его социальной истории на сотни лет назад в период первоначального капиталистического накопления, “дикого рынка” со всеми вытекающими хозяйственно-экономическими, социально-бытовыми, духовно-нравственными и экологическими последствиями, образом жизни людей в обществе, где “все покупается и продается”»¹⁹. С другой стороны, обосновывает автор, виталистская модель, «ориентируя и исследователя, и практика на обстоятельное изучение жизненных сил и жизненного пространства человека, субъекта социальной жизни, их взаимозависимости и взаимодействия, позволяет сегодня со всей остротой ставить и эффективно решать не только проблемы села и сельских жителей, но и общества, государства и человека в целом»²⁰. Как представляется, данный подход, который по долгосрочности своей ориентации вполне может быть отнесен к футурологическим проектам, применим для разработки комплексной долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны и перспективной государственной аграрной политики. В то же время он явно недостаточен для разработки первоочередных шагов по выводу из кризиса современной российской деревни, по решению наиболее острых наболевших проблем, требующих неотложного вмешательства и помощи.

Среди них, прежде всего, – деградация деревни, пьянство и социальная апатия, обусловленные отсутствием работы и соответствующих перспектив у многих сельских жителей, умирающие значительной части небольших российских деревень. Уровень производства по многим отраслям сельского хозяйства, сокращение сельскохозяйственных угодий до сих пор находятся на критическом уровне. Только в действующих хозяйствах (всех категорий) не используется как минимум *четвертая часть* пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель. Это немалая даже для военного времени ситуация, когда на протяжении многих лет поля зарастают уже не только бурьяном, но кленом и вязом, превращаясь в своеобразные лесные заросли. Уже сегодня, для того чтобы вернуть данные земли в сельскохозяйственный оборот, потребуются значительные средства для выкорчевывания заросших неугодий.

Отдельно стоит отметить публикацию Г. С. Лисичкина. Известный своей критической публицистикой периода перестройки, автор справедливо констатирует крайне негативное состояние современной российской деревни, однако выход предлагает в виде неизбежности проведения реформы аграрного сектора, преимущественно на основе тех либеральных принципов, которые лежали в основе радикальных преобразований начала 1990-х гг. С большим пафосом Г. С. Лисичкин говорит о «живучести теоретических основ сталинской аграрной политики», которые «оставались в основе хозяйственной практики при Н. Хрущеве, Л. Брежнев, М. Горбачеве, Б. Ельцине и с меньшей последовательностью, но большим эклектизмом при В. Путине»²¹. Он подробно критикует большевиков, «полуинтеллигентов», «образованцев» за политику раскрестьянивания, на основе апелляции к классикам марксизма, к таким авторитетам, как Н. Бердяев, И. Ильин, А. Зиновьев, А. Чайнов, Н. Кондратьев, к опыту «зеленой революции» в Индии. Неэффективную советскую колхозно-совхозную систему, сохранившуюся, по его мнению, в основных чертах и сегодня, он оценивает как «черную дыру», способную поглотить без отдачи любые государственные средства. Выход видится в проведении «зеленой революции», начинать которую «надо не с безрассудного, как прежде, вколачивания денег в сомнительные проекты, а с «собираания» своих заброшенных богатых земельных угодий»²².

Все предложенные им меры по развитию аграрного сектора не вызвали бы сомнения в их определенной действенности, если бы не повторяли в совокупности того подхода, который уже попытались реализовать радикальные либеральные реформаторы в начале 1990-х гг. Последние руководствовались в числе прочих перестроечными идеями Г. Лисичкина, В. Селонина, публициста и политика Ю. Черниченко об «архангельском

мужике», которого нужно только освободить от «агроулага» колхозно-совхозной системы и он накормит всю Россию и половину Европы. Однако «невидимая рука рынка» и предоставление российской деревне «свободы от диктата государства», которые должны были сформировать «хозяйина на земле», на практике отбросили российское крестьянство и сельскохозяйственное производство на много десятилетий назад по экономическим и особенно социальным показателям.

Не случайно на первое место в ряду мер «зеленой революции» Г. С. Лисичкин поставил всего лишь введение погектарного налога «на бюджеты тех административных единиц, где выведены из оборота земли сельскохозяйственного назначения» для создания фонда восстановления земель, а также введение отчисления «от окладов местных депутатов и местных министров в упомянутый фонд»²³. Эти предложения, на наш взгляд, носят очевидно популистский характер и могут сработать лишь в том случае, если будут служить дополнением к долгосрочным государственным программам развития производственной инфраструктуры на селе для различных форм собственности и размеров хозяйств, внедрения инновационных технологий, государственного страхования, системы льготного кредитования, развития сельскохозяйственного машиностроения. Не менее значима поддержка и развитие социальной инфраструктуры российской деревни, без которой она не сможет выдержать конкуренцию по уровню комфортности с городской средой. Поэтому без сельского учителя и медработника, без нормальных дорог, магазинов, яслей и детсадов, клубов, перерабатывающих и закупочных предприятий «хозяйин» на земле укрепиться не сможет.

Особый интерес представляют негативные последствия рыночных реформ для анализа социально-психологических и социально-политических настроений деревни. Исследованию данной проблематики посвящено достаточно большое количество работ, авторы которых констатируют, что оставшаяся без стабильной работы третья часть²⁴ трудоспособного сельского населения вынуждена выживать за счет тяжелого ручного труда в личном подсобном хозяйстве, а также за счет пенсий своих престарелых родителей. По мнению П. П. Великого и П. А. Михеева, социальным следствием этого стало «принятие членами семьи статуса сиротской непритязательности, полного отказа от защиты своих ущемленных прав». Такую ситуацию они определяют как «тотальную несвободу» и «социальную изоляцию»²⁵. Не случайно, что в первое десятилетие после реформ значительная часть российского крестьянства традиционно голосовала за представителей КПРФ в надежде в случае их победы на возвращение старой колхозной системы, а аграрные регионы получили образное наименование «красного пояса России».

Тем не менее, именно особенности политического участия российского крестьянства и особенности его мотивации остаются недостаточно изученными. В немногих социолого-политологических исследованиях акцент сделан на социальных тенденциях реформирования российской деревни, на детерминантах процесса раскрестьянивания, на деструктивных социально-экономических последствиях радикальных преобразований постсоветского периода, на социальной ответственности российского государства за сохранение и адаптацию «остатков» российского крестьянства к новым условиям²⁶.

Не осталась без внимания тенденция эволюции политических предпочтений российского крестьянства в первое десятилетие текущего столетия. Она показала, что ситуация с «красным поясом» постепенно изменилась и сельский электорат в значительной своей части стал голосовать за «партию власти». Данные тенденции отмечены исследователями электоральной географии по отдельным регионам Российской Федерации. По данным Р. Туровского, традиционный для России раскол «город – село» вновь начал играть заметную роль, но в ином политическом измерении: «...если на выборах 1995 г. доля сельского населения коррелировала с голосованием за КПРФ, то теперь село демонстрирует повышенную политическую лояльность»²⁷. Автор объясняет это не только политико-культурными особенностями сельского населения, но и воздействием конъюнктурных факторов избирательной кампании, к которым относит использование «Единой Россией» административного ресурса, слабость организационных ресурсов других партий, меньшую насыщенность информационного поля в сельской местности.

С этой констатацией можно согласиться, но она не объясняет до конца, почему в социальной среде, наиболее пострадавшей от рыночных реформ, оппозиционные партии не получают должной отдачи. Остается без полноценного всестороннего объяснения тот факт, что за два с половиной десятилетия постсоветских преобразований в России так и не сложилась мощная и стабильная политическая сила, ориентированная на представительство специфических интересов российской деревни. Трансформация Аграрной партии России и ее исчезновение с политической арены рассматривается преимущественно в работах исследователей эволюции российской многопартийности в целом. На ключевой вопрос, чем объяснить отсутствие в партийно-политической системе постсоветской России успешной партии интересов сельского населения, составляющего по удельному весу примерно треть российского электората, данные работы всестороннего ответа не дают, так как изучение этой проблемы требует специального междисциплинарного подхода.

Ответ на данный вопрос особенно актуален с учетом того, что в условиях плюрализации

партийной системы современной России и понижения избирательного порога на выборах депутатов Государственной думы уровень конкуренции политической борьбы за сельский электорат существенно возрастает. Кроме традиционных парламентских партий и ВПП «Аграрная партия России», на политическом пространстве появились также Партия Возрождения Села, партия «Возрождение аграрной России», политическая партия «Объединенная аграрно-промышленная партия России». На рассмотрении в Минюсте РФ находятся документы политической партии «Земский Союз крестьянских и фермерских хозяйств «ТвердЪ». С учетом того, что значительная часть из 75 зарегистрированных политических партий в той или иной степени также ориентируется в своих программах на отдельные сегменты сельского электората, прогнозировать политическое представительство российского крестьянства во властных структурах различного уровня становится еще сложнее.

Уже сегодня имеется потребность в анализе политической деятельности данных партий в сельской местности, чтобы понять, какие из них ориентированы на непосредственное взаимодействие с жителями села, на создание региональных отделений из представителей крестьянства, на выявление и формулирование реалистичных программ решения наиболее злободневных проблем российской деревни, а какие представляют собой очередной вариант «крестьянской партии на асфальте» и выполняют функции партий-спойлеров и другие технологические задачи.

В целом же, учитывая специфику нынешних политико-экономических условий развития Российской Федерации, можно констатировать тот факт, что многие проблемы обеспечения продовольственной безопасности России и развития российской деревни в целом в настоящий момент, по сути, остаются за рамками внимания ученых, тем более – специалистов в области политических наук.

Изучение важнейших проблем современной российской деревни строится в основном на оценке институциональных, экономических и социальных преобразований. Вне поля зрения исследователей остаются многие аспекты политических механизмов воздействия на современную российскую деревню, форм активизации имеющихся социальных ресурсов села, особенностей социально-политических настроений российского крестьянства, сохранившегося потенциала его участия в политической жизни и в развитии местного самоуправления. В этой связи имеющийся на сегодня уровень исследования политических аспектов мобилизации российского крестьянства не может считаться достаточным и нуждается в научном анализе на основе адекватных эмпирических данных и новых теоретических подходов.

Примечания:

- 1 О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2013 года»: постановление Правительства РФ от 3 декабря 2002 г. № 858. URL: <http://base.garant.ru/2159191/> (дата обращения: 30.09.2014).
- 2 Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса». URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/145.htm> (дата обращения: 30.09.2014).
- 3 Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. URL: http://www.vgsa.ru/nir/program/russia_agro2012.pdf (дата обращения: 30.09.2014).
- 4 О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598. URL: <http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf> (дата обращения: 30.09.2014).
- 5 Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/news/6752> (дата обращения: 03.09.2014).
- 6 См.: *Зиятдинова Ф. Г., Кунаева Е. И.* Российское село в рыночных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008; *Калугина З. И.* Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001; *Назаренко В.* Задачи восстановления агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности России // Рос. экон. журнал. 1999. № 5–6. С. 43–51; *Петриков А. В.* [и др.]. Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2004–2006 гг. М.: Энциклопедия российских деревень. 2007 и др.
- 7 *Абалкин Л.* Аграрная трагедия России // *Вопр. экономики.* 2009. № 9. С. 4.
- 8 *Сталин И. В.* Соч.: в 16 т. Т. 11. М.: Политиздат, 1955. С. 159.
- 9 *Буздалов И.* Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // *Вопр. экономики.* 2009. № 10. С. 121.
- 10 См.: *Григорьев С. И.* Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // *Социс.* 2010. № 9. С. 39–44; *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009; *Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г.* [и др.]. Сельская бедность и сельское развитие в России. М.: Изд-во ИЭПП. 2004; *Староверов В. И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: Изд-во РАН, 2009; *Хагуров А. А.* Социология российского села / ред. В. И. Нечаева. М.: Изд-во ИС РАН, 2008 и др.
- 11 См.: *Бессокирная Г. П.* Происходит ли «разложение крестьянства» в реформирующейся России? // *Социс.* 2014. № 6. С. 104–111.
- 12 См.: *Великий П. П.* Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // *Социс.* 2009. № 9. С. 44–49; Сценарии социального развития села (на примере Саратовской области) / под ред. С. Н. Семенова. Саратов: Саратовский источник; ИАГП РАН, 2010.
- 13 *Великий П. П., Бочарова Е. В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // *Социс.* 2012. № 1. С. 126.
- 14 См.: Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С. Ю. Глазьева «О продовольственной безопасности России», 5 сентября 2013. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/> (дата обращения: 03.09.2014).
- 15 См.: *Ефимов Н. М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России.* 2009. № 1. С. 113.
- 16 См.: *Рощина Я. М., Сухова А. С.* Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 18.
- 17 См.: *Ефимов Н. М.* Указ. соч. С. 74–116; *Жвितिашвили А. Ш.* Социокультурные типы в эволюции русского села // *Общественные науки и современность.* 2012. № 1. С. 39–46; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998; *Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье. М.: Новое изд-во, 2003; *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова. М.: Новое изд-во, 2006; *Никольский С. А.* Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М.: Колос, 2003; *Петухов Г. Н., Челасов Н. М.* Российское крестьянство: очередной перелом. М.: ФГНУ «Росинформагртех», 2004 и др.
- 18 *Григорьев С. И.* Указ. соч. С. 40.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 *Лисичкин Г. С.* Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса // *Общественные науки и современность.* 2011. № 5. С. 69.
- 22 Там же. С. 75.
- 23 Там же.
- 24 Численность занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве за период с 1992 по 2007 г. сократилась на 2,9 млн человек (34,8%). (См.: Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://econsec.ru/files/28.pdf> (дата обращения: 30.09.2014)).
- 25 *Великий П. П., Михеев П. А.* Российское село в перспективе вероятных перемен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2005. № 2. С. 28–29.
- 26 См.: *Староверов В. И.* Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // *Социс.* 2010. № 4. С. 23–32.
- 27 *Туровский Р. Ф.* Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития.* 2012. № 3. С. 117.